

— Папа, отец, поторопитесь!

Лань Сычжуй, одетый в традиционные цвета Ордена Лань, с клановой лентой на лбу и другой, выцветшей, но ухоженной лентой, свободно повязанной вокруг его левого запястья, со странно мерцающей флейтой на боку и мечом в руке, рассмеялся.

-А-Тин, тебе ли не знать, что пытаться торопить папу и отца бесполезно. Они придут в своё время.

Стоящая рядом с ним Лань Тин фыркнула и топнула крошечной яркой сандалией по мху и влажной земле:

— Но я хочу увидеть А-Фен, А-Хе, А-Ли и А-Цзин. Сейчас!

— А-Тин. - Сычжуй опустился на колени, чтобы оказаться на одном уровне с сестрой. — Мы скоро будем там, даже если папа и отец потратят целую вечность, чтобы пересечь эту поляну.

Лань Тин нахмурилась.

Почти шесть лет назад, после того, как дедушка Жэнь разозлился на родителей Сычжуйа и велел им «использовать их избыточную энергию в другом месте, по крайней мере, в течение полугода!», а затем едва не вышвырнул их из Облачных Глубин, его папа и отец отправились в путешествие и вернулись через полгода с необычным дополнением — крохотным суетливым младенцем, ещё не настолько взрослым, чтобы питаться твёрдой пищей.

Дедушка Жэнь бросил один взгляд на двух заклинателей - папу Ина, баюкающего ребёнка на руках, и папу Чжэня, ласкающего щеку младенца, и... пропал.

Сычжуй (тогда он ещё не был Сычжуйем), услышав известие о возвращении своих родителей, отбросил приличия в сторону (учитель Ли уже записал его на послеобеденное занятие по переписыванию правил, так что ещё несколько сотен повторений едва ли имели значение, когда его родители вернулись!) и промчался по протоптанным тропам Облачных Глубин, затормозив только тогда, когда его отец и дедушка Жэнь бросили на него задумчивый неодобрительный взгляд.

— Ты дома!

Папа Ин улыбнулся и опустился на колени:

— А-Юань, познакомься с кем-то очень особенным. — Он поманил его, и А-Юань с готовностью присоединился к нему. Он прижался к своему папе Ину и с интересом посмотрел на свёрток в его руках.

— Ребёнок, папа Ин? Откуда у тебя ребёнок?

Целительница Цин уже дала ему и остальным его ровесникам несколько уроков здоровья, и он знал, откуда обычно берутся дети.

— Мы нашли её в деревне. Вся её семья была убита чудовищем, а все остальные либо пали жертвами, либо сбежали. Осталась только она. — Папа Ин качнул ворочающегося младенца. — Мы не могли оставить её, и она была достаточно здорова, чтобы путешествовать. Поэтому мы подумали, что спросим, не хочешь ли ты младшую сестрёнку.

Сычжуй вспомнил удивление и радость, которые охватили его при этом вопросе – теперь, став старше и обретя мудрость, которую ему дали годы, он знал, что его папа и отец уже собирались усыновить ребёнка, но тогда возможность выбора значила для него очень много.

Лань Тин официально присоединилась к их странной, удивительной семье в следующий благоприятный день, но ещё до этого она полностью очаровала дедушку Жэня. Сычжуй неоднократно становился свидетелем того, как дедушка забирал малышку на вечер, и он сам часто присоединялся к ним и наблюдал, как его младшая сестра узнавала о мире, сидя у ног мудрого и терпеливого старейшины.

Лань Тин выросла великолепной девочкой – хотя дедушка Жэнь и жаловался на её импульсивность и прямолинейность, он также хвалил её сообразительность и непоколебимое благородство.

Для их дедушки Жэня Сычжуй и А-Тин были не чем иным, как совершенством. Он мог сетовать на их безрассудный характер и импульсивные действия, но ничто из того, что они когда-либо делали, не злило его (хотя Сычжуй несколько раз слышал, как старейшина что-то бормотал о непочтительном отношении его папы).

В шесть лет Лань Тин начала понемногу преображаться — её широкие, слишком большие глаза и пухлые щёчки теперь намекали на красоту, которой она приобретёт в будущем. В выразительном взгляде девочки горел быстрый ум и ликующий дух, которые уже сделали её лидером среди младшего выводка детей, несмотря на то, что она была самой младшей (кроме новорожденного малыша целительницы Цин, но он не в счёт).

И прямо сейчас эти глаза мерцали в расстроенном нетерпении:

— Братец Чжуй, папа и отец тратят целую вечность, когда отвлекаются!

Лань Сычжуй рассмеялся и подхватил свою младшую сестру на руки; её сине-красная мантия взметнулась вверх, и она вскрикнула от удивления.

— Они скоро придут, А-Тин. Кроме того, мы можем использовать это время, чтобы осмотреться

— в конце концов, ты никогда не бывала здесь раньше.

— Старший брат Чжуй! Опустим меня! – капризно воскликнула девочка и тут же рассмеялась, когда Сычжуй закрутил её по кругу. – Старший брат Чжуй!

В течение нескольких минут эти двое наполняли лес хихиканьем, визгом и смехом, прежде чем Лань Тин похлопала брата по плечу.

— Ты в порядке, А-Тин?

— Мм, я видела там кролика, старший брат!

Сычжуй безропотно вздохнул.

— У отца и папы дома целое стадо кроликов, — пожаловался он, усаживая сестру и помогая ей расправить мантии.

— Но этот кролик был цвета чая, который пьет дедушка Жэнь!

Примерно час двое детей гонялись за лесными кроликами, и недовольство А-Тин удручающе медленными сборами её родителей сменилось восторгом от каждого нового цветного кролика, которого она находила.

— Этот весь серый и коричневый, старший брат! — воскликнула она, испугав ушастого беднягу. — А этот почти красный!

Сычжуй не мог не улыбнуться – у А-Тин было больше от яркой и необузданной манеры папы, любопытной, озорной и совершенно безразличной к тому, что о ней думают другие. Ей нравились красивые мантии, которые ей дарили дедушка Жэнь и тётя Яньли, потому что ей нравились яркие цвета, и она знала все правила этикета, и могла быть очень хорошей, когда хотела.

Но её уже выгонял из класса учитель Ли за то, что она начала драку с одноклассником, который приставал к её другу (маленький мальчик, которого она ударила, должен был двадцать раз переписать правила и извиниться перед другом А-Тин. А-Тин же должна была извиниться перед маленьким мальчиком, что она сделала только после того, как убедилась, что тот извинился перед её другом. А потом она десять раз переписала правила). А ещё А-Тин настояла на том, чтобы изучать фехтование с остальными одноклассниками – и пусть в этом не было ничего совсем уж необычного, в Гусу Лань не поощряли девочек к занятиям физическими упражнениями вместе с мальчиками — классы разделяли на мужские и женские, когда детям исполнялось шесть или семь лет.

А-Тин, похоже, не заботилась о ланьских традициях, и она обратила свои огромные умоляющие

глаза на дедушку Жэня, когда учитель Ли поначалу ей отказал.

На следующий день А-Тин разрешили присоединиться к мальчикам на тренировочной площадке. А спустя неделю ещё три девочки из их класса настояли на том, чтобы последовать её примеру.

Сычжуй вспомнил, как папа звонко засмеялся, когда дедушка Жэнь ворвался к ним домой на второй неделе (каждая девочка, кроме одной, которая не любила оружия, присоединилась к тренировкам мальчиков, а один из мальчиков, наоборот, заявил, что предпочитает мечу научные занятия и захотел учиться в классе девочек), хмурясь и обвиняя папу в нарушении традиций и разращении невинных маленьких детей своими дикими выходками. Правда он почти сразу остановился, когда увидел, как отец поправляет стойку А-Тин с её тренировочным мечом и направляет её движение.

Сычжуй услужливо сообщил дедушке Жэню, что отец давно уже обучает А-Тин фехтованию, а его папа рухнул на дорожку, хватая ртом воздух и хохоча, как ненормальный.

Дедушка Жэнь повернулся и ушёл, не сказав больше ни слова.

Да, подумал Сычжуй с кривой ухмылкой, в А-Тин гораздо больше дикости папы, чем в нём самом. Хотя, справедливости ради, и у него была своя доля нетрадиционной природы папы. Нельзя было воспитываться таким, как Вэй Усянь, и при этом не выглядеть немного странным в глазах всего мира. Но, повзрослев, он также унаследовал больше осторожности и взвешенной осмотрительности своего отца.

Сычжуй сомневался, что так будет с А-Тин. У его сестры была острая пронизательность и сосредоточенная преданность отца, и отец души не чаял в ней, потакая ей больше, чем даже папа — она редко видела серьёзную сторону Лань Ванцзи.

А-Тин запрыгнула на маленькое дерево и заглянула в дупло, которое она заметила на полпути — вероятно, дом какого-то местного зверька.

— А-Тин, ты порвёшь свои мантии! Ты только что получила их, помнишь? Ты очень расстроишься, если проделаешь в них дыру.

— Старший брат, здесь белка! — А-Тин проигнорировала его мягкую просьбу спуститься вниз, и Сычжуй, вздохнув, потащился к сестре. — У белочки двое детей, братец Чжуй!

— Не играй с ними, А-Тин, — предупредил её брат, останавливаясь прямо под деревом — она действительно забралась не слишком высоко. — Они могут укусить тебя за палец.

А-Тин шмыгнула носом:

— Я знаю это, братец Чжуй. Папа рассказывал мне об этом, когда мы играли в лесу. — Она порывисто ухмыльнулась. — Поймай меня, старший брат!

И без дальнейших предупреждений, сестра прыгнула с ветки с пронзительным хихиканьем.

Сычжуй, давно привыкший к таким играм, был более чем готов. Он ловко поймал А-Тин и немного покружил её на руках, прежде чем поставить на землю. Хихикая и размахивая руками, сестра несколько мгновений спотыкалась и выписывала головокружительные спирали, а потом обернулась, когда с края поляны донеслось:

— А-Тин, А-Юань!

Только голос папы мог доноситься так громко и ясно.

— Сюда, папа! — закричала в ответ А-Тин.

Сычжуй даже не поморщился, поскольку в этом не было ничего непривычного.

Через минуту в поле зрения появились их родители, одетые немного небрежно, даже волосы отца были чуть взлохмачены.

— Тебе было весело? — воскликнул папа, подхватив дочь и обхватив свободной рукой Сычжуй.
- Что интересного вы нашли?

А-Тин радостно сообщила ему о множестве разноцветных кроликов, которых она отыскала на поляне, и о белке и её детях на дереве, и о том, как Сычжуй играл с ней в игры, подбрасывал её и крутил. Папа слушал, широко раскрыв глаза, и издавал восклицания удивления везде, где только мог - Сычжуй с нежностью вспоминал, как он делал то же самое, когда сам Сычжуй был маленьким.

Папа мягко улыбнулся ему:

— Спасибо, А-Юань.

— Нет проблем, папа. А-Тин легко развлечь, ты знаешь это. Она совсем как ты.

Сычжуй ухмыльнулся, когда его папа хихикнул.

— Она такая, да. - Вэй Усянь потянул его к себе, чтобы обнять — Сычжуй знал, что его папа очень любит объятия, и когда тот не мог умолять об объятиях их отца, то находил какую-нибудь надуманную причину, чтобы даровать их Сычжуй и А-Тин.

Честно говоря, Сычжуй думал, что их папе не нужно придумывать какую-то причину для объятий. Сычжуй тоже любил обниматься, и А-Тин требовала объятий, если считала, что нынешним днём их было мало. Возможно, это было как-то связано с приверженностью отцом (в последнее время довольно вялой) тысячам правил Ордена Лань — Сычжуй следовал им лучше, чем отец, но даже он всё же время от времени практиковался в каллиграфии в библиотеке, копируя то правило, которое, по мнению его учителей, он усвоил ещё не полностью.

* * *

— Я не могу себе представить, что заставило тебя опоздать на запланированное мероприятие почти на полдня, Ванцзи. — Ровный голос Лань Цижэня поприветствовал необычную четверку, составлявшую самую известную семью Гусу Лань. — Тем более что я хорошо знаю, что вы выдвинулись с большим запасом времени, чтобы появиться до начала мероприятия. Мне пришлось отложить время начала, ожидая вашего прибытия!

— Дедушка Жэнь! - А-Тин вырвалась из объятий Вэй Усяня и, подбежав к пожилому мужчине, повисла на нём самым неподобающим для ребёнка Ордена Лань образом.

Лань Цижэнь поймал её с улыбкой, подхватил на руки и посадил крошечную шестилетку себе на бедро.

— А-Тин, не могла бы ты внести некоторую ясность по поводу того, почему вы прибыли с таким опозданием?

А-Тин хихикнула:

— Папа и отец отвлеклись. Они играли музыку на поляне. Там было много красивых цветов, но это было не так уж круто, дедушка Жэнь. Но они сказали мне пойти найти братца Чжужуа, поэтому мы с братцем Чжуем играли с кроликами и кружились, и я нашла несколько белок на дереве! — Она сопровождала свой рассказ возбуждёнными жестами и звуками, раскачивалась из стороны в сторону в надёжной хватке дедушки, с удовольствием иллюстрируя своё утреннее приключение. — Я не прикасалась к ним, потому что это небезопасно, и вообще, пугать животных нельзя. — При этом она направила на Лань Цижэня яркую, обаятельную улыбку. — Потом вернулись папа и отец, и мы пришли сюда.

— Понятно, — проговорил Лань Цижэнь, внимательно выслушав рассказ внучки. — Похоже, у тебя было хорошее утро, А-Тин.

Девочка решительно кивнула.

Лань Цижэнь поверх её головы устремил на племянника и зятя сухой, равнодушный взгляд. Он даже не пощадил Сычжужуа, который в ответ приподнял бровь и склонил голову в сторону своих родителей в вопросе: «Ты хотел, чтобы я что-то с ними сделал?»

Старейшина покачал головой и посмотрел на маленькую девочку, прыгающую в его руках.

— Ну, А-Тин, А-Ли, А-Цзин, А-Фен и А-Хе играют в роще гинкго. Они ждали твоего прибытия.

Маленькая девочка тут же прижалась к плечу Лань Цижэня и запрокинула голову:

— Сестра А-Ли! Сестра А-Ли! Я здесь!

Она взмахнула рукой, её глаза сияли.

Издали послышался высокий тонкий голос:

— Сестрица А-Тин! У нас здесь вкусняшки! Мама испекла печенье!

А-Тин немедленно потребовала, чтобы её поставили на землю, и в тот момент, когда её ноги коснулись земли, она бросилась вперёд.

Весело покачав головой, Лань Цижэнь обернулся, чтобы посмотреть на оставшихся троих.

— Сычжуй, я надеялся, что твоё чувство пунктуальности побудит тебя прибыть вовремя, — упрёкнул он подростка.

Сычжуй выглядел лишь слегка извиняющимся.

— Дедушка Жэнь, я знаю, что лучше не пытаться найти папу и отца, когда они отвлекаются, — откровенно произнёс он. — Кроме того, мероприятие состоится только завтра.

Лань Цижэнь нахмурился.

— Нет, я отчётливо помню объявление о том, что сегодня отмечается первый день, — возразил он.

Улыбка, очень похожая на улыбку Вэй Усяня, скользнула по лицу Лань Сычжуйя.

— Да, в объявлении, которое ты получил сегодня, говорится так же, как и в объявлении, которое написали и отправили папа и отец. Но ты склонен проявлять нетерпение и гнев, когда люди опаздывают на важные мероприятия, а папа и отец всегда опаздывают, поэтому я убедился, что в твоём объявлении говорится, что всё начнётся сегодня. — Его спокойный, деловитый тон, которым он излагал свои тонкие манипуляции, заставил три пары глаз смотреть на него с разной степенью шока.

— А-Юань, — выдохнул Вэй Усянь с большим восхищением. — Это было впечатляюще.

— Тогда почему все остальные прибыли вовремя? — запротестовал Лань Цижэнь.

— Я сообщил им, что сегодня будет день для встречи и воссоединения со старыми друзьями. — Сычжуй пожал плечами, выглядя нераскаявшимся, пока его дедушка пытался собрать всё воедино. — Папа поручил мне отправить письма. Нетрудно было добавить время и день.

— Сычжуй, — упрекнул сына Лань Ванци, хотя и не очень серьёзно, учитывая веселье в его золотых глазах. — Ты солгал своим родителям и дедушке.

Сычжуй склонил голову, соглашаясь с явно верным утверждением.

— Да, но никто, кроме вас троих, не ожидал сегодня никакой охоты. Так что папа и отец никуда не опоздали. — Он выглядел очень довольным собой.

Лань Цижэнь, казалось, стеснялся читать своему внуку лекцию о надлежащих манерах, поэтому просто вскинул руки и закатил глаза.

— Зачем мне вообще беспокоиться, — пробормотал он, и только чувство собственного достоинства помешало ему протопать обратно к палаткам, установленным возле деревьев гинкго, которые сотрясались от визга и смеха маленьких детей. Однако он отошёл, не сказав больше ни слова, и Сычжуй забеспокоился — какое же странное наказание он получит за это? Насколько рассердится на него дедушка Жэнь за этот обман? Он сделал это по уважительной причине, и никто не пострадал, но дедушка Жэнь жил по правилам Ордена Лань, а Сычжуй только что нарушил несколько из них, пытаясь...

Рука Вэй Усяня взъерошила ему волосы посреди размышлений, разбивая его всё более панические мысленные образы, и Сычжуй отмахнулся от него с плаксивым:

— Папа!

— Не начинай сожалеть об этом сейчас, А-Юань, — посоветовал Вэй Усянь, смеясь глазами. — Ты уже сделал работу, остаётся только принять последствия.

— Папа Ин, — начал Сычжуй, широко раскрыв глаза и чувствуя себя гораздо моложе прямо сейчас, когда он смотрел на своего всезнающего папу Ина в поисках ответов и утешения.

Вэй Усянь наклонил голову, в его блестящих серебристых глазах в равной мере отражались мудрость и веселье.

— У тебя был хороший план, А-Юань, и ты осуществил его так, что никто из нас ничего не понял. И теперь твой дедушка Жэнь не расстроится, что мы испортили мероприятие своим опозданием.

Рука отца сжала его плечо, и, повернувшись, Сычжуй увидел веселье в глазах Лань Ванцзи.

— Дядя может быть расстроен, но он скоро поймёт выгоду. Он не любит проволочек. — Хотя голос его отца оставался серьёзным и спокойным, Сычжуй расслабился, почувствовав ироничное одобрение Лань Ванцзи.

Даже если его дедушка Жэнь ещё какое-то время побудет расстроенным из-за его уловки, его папа не был расстроен, и его отец счёл это хорошим планом.

Сычжуй позволил своему папе притянуть себя в одно из обволакивающих объятий и почувствовал, как тихая сила любви Лань Ванцзи поддерживает его, а дикий и яростный вихрь Вэй Усяня поднимает его дух.

Конечно, Сычжуй уже достиг совершеннолетия, но он сомневался, что когда-нибудь по-настоящему вырастет из этого комфорта и любви, которые его родители так свободно дарили ему всякий раз, когда он в этом нуждался.

* * *

— А-Цзин, А-Ли, А-Фен, А-Хе, А-Тин, вам нужно попить!

С пяти сторон пришли пять разных уровней протеста:

— Мама! Мы только начали игру!

— Тётя Яньли, мы не можем сейчас остановиться!

— Тётя-я-а-а!

— — Я не хочу пить, мама!

— Мы должны победить монстра, тётя!

Цзян Яньли рассмеялась, когда все дети остановились и умоляюще уставились на неё широко раскрытыми глазами удивительного разнообразия цветов.

— Хорошо, десять минут, а затем... я настаиваю. В противном случае я пойду за целительницей

Цин, и когда она придёт... — Она даже не успела закончить предложение, как Цзян Ли прервала её:

— Десять минут — это прекрасно!

Обещание А-Ли эхом отозвалось среди остальных детей — целительница Цин всегда срабатывала как надёжная угроза, особенно если дело касалось здоровья. Ни один ребёнок, находящийся на попечении лучшей целительницы мира совершенствования, никогда не будет слаб здоровьем — если только он не захочет провести день, посещая занятия в школе целительницы Цин, с контрольными и домашними заданиями.

Поэтому, когда Цзян Яньли позвала детей перекусить, они все бросились к одеялу, расстеленному под нависающими ветвями самого большого дерева.

Когда все дети рухнули в беспорядочные груды раскинутых конечностей и препирающихся голосов, Цзян Яньли воспользовалась возможностью, чтобы оценить, насколько вырос каждый ребенок с тех пор, как она видела его в последний раз.

Её собственный дуэт, А-Хе и А-Фен, был высоким для своего возраста. У А-Хе были очень светлые глаза, в то время как А-Фен взяла цвет лица Цзысюаня. Двое младших её детей также были почти противоположностями по характеру. А-Фен, хотя и была самой младшей и единственной девочкой из троих её отпрысков, обладала большей храбростью, чем оба её старших брата вместе взятые. Она влезала во всё подряд, её тощее детское тело в любой момент готово было проскользнуть туда, где ему определённо было не место. Неугомонное любопытство А-Фен всегда напоминало ей об А-Сяне. С другой стороны, А-Хе, как правило, был более застенчивым — он редко начинал разговор, несмотря на отчаянное желание иметь друзей. Он любил свою тётю Цин и находил травы и исцеление увлекательными. Вместо того, чтобы проводить время на открытом воздухе, бегая и сея хаос, как это делал А-Лин в его возрасте и как сейчас делала его младшая сестра, он проводил больше времени с исследователями и целителями.

Рядом с А-Хе сидели близнецы, А-Ли и А-Цзин. Если не приглядываться, они выглядели почти одинаково. Но это было совсем не так, и чем старше они становились, тем это становилось всё более очевидным. Первое, на что все обращали внимание, были их глаза — у каждого близнеца глаза были двух разных цветов. По какой-то странной причуде судьбы глаза А-Ли были облачно-серыми и солнечно-жёлтыми, в то время как у А-Цзин всё было с точностью до наоборот. Однако если присмотреться внимательнее, А-Ли становилась всё больше похожей на Лань Сиченя, в то время как А-Цзин превращалась в копию А-Чэна. Об этом не уставали говорить в мире совершенствования с тех пор, как эти трое официально поженились, а затем, когда целительница Цин родила близнецов с такими удивительными глазами. Молва быстро распространилась — Небеса благословили их союз таким подарком.

Однако это означало также то, что близнецам было труднее завести друзей, поскольку на них обоих смотрели с благоговением те, кто видел в них дар богов, и неодобрением те, кто находил само их существование неестественным.

А-Ли начала ходить на занятия по фехтованию в прошлом году, в то время как А-Цзин предпочитал лук — и оба обещали стать знающими целителями, поскольку их мать не позволила бы ничего меньшего. Яньли слышала, что А-Цзин унаследовал музыкальный талант своего отца, а его сестре-близнецу досталась «глухота» А-Чэна, что её очень позабавило. У этих двоих, как и у А-Хе, было мало друзей, и, кроме того, им было трудно даже попытаться завести знакомства из-за их странного происхождения.

Что, наконец, привлекло её взгляд к маленькому фейерверку в виде ребёнка, которого А-Сянь и Ванцзи усыновили всего через месяц после её рождения.

А-Тин сидела в центре свободного круга, сформированного детьми, и развлекала группу какой-то грандиозной историей о своих приключениях в Гусу Лань. Её огромные глаза глубокого лазурного цвета сияли умом не по годам, а в драматическом выражении лица чувствовалась тяжёлая рука влияния А-Сяня. Она была самой младшей и самой маленькой из пятерых детей, но именно она положила начало их дружбе там, где никому другому это по-настоящему не удавалось. О, Яньли наблюдала за тем, как близнецы пытались вовлечь А-Хе в игру, когда они были намного моложе, и она поощряла А-Хе присоединиться к ним, но застенчивый характер её сына и неуверенность близнецов были непреодолимым препятствием для их дружбы.

Маленькой А-Тин, которой тогда ещё не было и четырёх, но которая уже тогда была пугающе умной и своенравной, не иже сомневаясь потребовала, чтобы А-Хе, близнецы и А-Фен поиграли с ней в «Мечи и песни», а когда те застыли в растерянности, пошла дальше: схватила А-Хе и А-Ли за руки и потянула к ближайшей поляне, оглашая окрестности требовательным криком:

— Папа! Боже мой! Надо достать это мне-е-е!

А-Сянь выглядел очень удивлённым. А вот Ванцзи мигом сообразил, чего хочет дочь. Именно он принёс её маленькую флейту, которую и вручил А-Тин, выудив инструмент из мешочка-цянькунь. А в следующий миг Яньли ошарашено улыбнулась, потому что А-Сянь выудил из рукава ещё несколько маленьких флейт и раздал их детям, вместе с маленькими деревянными мечами, которые были встречены радостными визгами.

Так оно и пошло — А-Тин объединила остальную часть своей большой семьи крошечными, нежными ручонками со всем обаянием своего папы и всей грацией своего отца.

Яньли задавалась вопросом, какой угрозой для мира совершенствования будет А-Тин, когда станет старше — ребёнок с таким интеллектом, воспитанный её невероятным братом и его мужем, естественно, перевернёт мир совершенствования с ног на голову.

Невольно позабавившись, Яньли отвернулась от детей, чтобы организовать полдник — ужин будет намного позже, когда наступит поздний вечер, разведут костры и поставят палатки, поэтому она отдельно упаковала фрукты, орехи и сладости, чтобы дети могли перекусить.

— А-Тин, ты опять рассказываешь сказки?

Яньли оторвалась от своих приготовлений, услышав голос младшего брата.

— Папа! Я просто рассказываю им о том удивительном месте в бамбуковом лесу! – А-Тин бросилась к Вэй Усяню, который тут же подхватил дочь на руки. — Там было так много классных вещей, верно, папа?

Дети столпились вокруг папы А-Тин, и тот присел на корточки.

— Дядя, ты должен сказать нам, правда ли это!

— Дядя, кузина Тин ведь не выдумывает, верно?

— Конечно, она не обманывает, правда, дядя?

— Расскажи нам, как всё было, дядя-я-а-а!

Яньли рассмеялась, когда дети начали умолять поведать им другую версию истории, которую так драматично рассказывала до этого А-Тин.

— Он подкинет им идей. — Яньли повернулась и посмотрела на А-Чэна, который появился на краю поляны позади неё. – А-Ли и А-Цзин теперь будут умолять отправить их в Облачные Глубины в следующем месяце.

— А не пора ли? — спросила Яньли, протягивая брату печенье. – А-Цин чувствует себя хорошо, и А-Кван больше не болеет. Я знаю, что великий учитель Лань хотел бы увидеть нового члена своей семьи.

А-Чэн фыркнул.

— А-Хуань уже строит планы путешествия, — признался он с мягкой улыбкой. – А-Цин сказала, что у нас всё получится – А-Кван стал здоровее, он не болел уже несколько месяцев, поэтому она не так беспокоится о путешествии с ним.

Яньли чувствовала облегчение на сердце каждый раз, слыша мягкую радость своего брата, когда тот говорил о своей семье. А-Чэн был таким сдержанным юношей, когда дело доходило до романтики, неуверенным почти во всём и ещё более неуверенным в себе.

Поэтому, когда Яньли узнала, что он обратился к великому учителю Ланю с просьбой поддержать их расцветающий роман с целительницей Цин и Лань Сичэнем, она чуть не упала в обморок от облегчения. У её младшего брата, наконец, появилось два человека, которых он ценил достаточно, чтобы бороться за их совместное будущее, и кто ценил его достаточно, чтобы делать то же самое.

Ей понравилось быть зрителем в те первые недели, когда все трое работали над поиском общей точки соприкосновения. Без А-Сяня и Ванцзи, которые действовали как сила, объединяющая их, им пришлось приложить усилия самим.

Несмотря на многочисленные споры, вспышки гнева и даже пару обидных слов, брошенных друг другу (в основном А-Чэном и целительницей Цин), они никогда не переходили черту. Лань Сичэнь выдерживал вспыльчивый характер своих партнёров с неизмеримой грацией, рано осознав, что ни один из его возлюбленных, на самом деле, не понимает, как справиться с дискомфортом и возможной эмоциональной болью.

Он потратил время и проявил завидное терпение, чтобы показать им обоим основу мира, на которой они могли стоять рядом друг с другом — слушать, общаться и расти вместе, а не уютиться на изолированных маленьких островках.

И они снова нашли соприкосновение: целительница Цин и Лань Сичэнь наслаждались ранним восходом солнца за чаем и завтраком, А-Чэн и Лань Сичэнь играли в вэйци и рассеянно ели во время обеда, а целительница Цин и А-Чэн смотрели, как луна поднимается высоко над прудом с лотосами.

Когда они проводили время вместе, они с лёгкостью общались друг с другом, долгие месяцы вынужденного сожительства привели к сверхъестественной способности с первого взгляда понимать, что нужно любому из них. Они добродушно ссорились, говорили о делах Ордена и обсуждали школу, которую хотела открыть целительница Цин.

Все трое также проводили время, наслаждаясь увлечениями друг друга. Лань Сичэнь развлекал их разными песнями, некоторые из которых он написал специально по их просьбе. Оба они также пробовали свои силы в музыке, и хотя целительница Цин немного изучила флейту и гуцинь, ни один из них не смог по-настоящему освоить их, предпочитая наслаждаться красивыми песнями своего музыкально одарённого партнёра, готового играть для них что угодно. Хотя их не удалось научить ничему, кроме перебора детских песенок, Лань Сичэнь преуспел в другом: он передал возлюбленным менее распространённый навык — каллиграфию. Он нашёл время, чтобы научить их обоим элегантному письму, в котором так преуспел. Яньли сразу же заметила улучшение почерка А-Чэна, которое стало ещё более поразительным четырнадцать лет спустя.

Целительница Цин вместе со своими мужьями разбила в Пристани Лотоса сад трав, возле главного дома. Она водила А-Чэна и Сичэня по окрестным холмам, горам и лесам, чтобы найти травы и лекарственные растения для выращивания в своём саду. Она также выделила целый участок, чтобы на пробу вырастить всё, что привлекло их внимание. Хотя Яньли уехала из Юньмэна перед посевной, она успела пронаблюдать, как двое мужчин переоделись в рабочие одежды и — по указанию целительницы Цин — установили границы гряд и других посадок. В тёплые месяцы следующего года её друзья писали ей о развитии сада и об очаровательных травах и цветах, которые там выращивали. Четырнадцать лет спустя этот небольшой травяной сад стал одним из самых прибыльных центров редких и сложных трав и прекрасных цветов мира совершенствования.

К удивлению Яньли, А-Чэн тайно продолжал заниматься резьбой по дереву и после того, как она думала, что он это забросил. Однажды, борясь с румянцем, он подарил Сичэню изящного маленького дракона с яркими серебряными глазами, а целительнице Цин — великолепного маленького феникса, вырывающегося из пламени. Затем, с небольшими колебаниями, он изготовил маленькую красивую бабочку, окаймлённую тёмно-фиолетовой краской, и соединил три маленькие фигурки вместе, как головоломку. Оба его партнёра немедленно потребовали, чтобы он научил их резьбе по дереву, и А-Чэн был так взволнован и ошеломлён их радостью, что понадобилось целых пять минут, чтобы он согласился. Со временем эти двое нашли свои собственные особенности мастерства: Сичэнь преуспел в создании маленьких человечков, удивительно похожих на живых, которых он отдавал любопытным детям, а целительница Цин применила свои знания о травах, растениях и цветах к дереву и создавала точные копии разных растений, которые после использовала в качестве пособий во время занятий. А-Чэн тоже совершенствовал свои навыки, и его творения стали поразительно сложными маленькими копиями практически всего, что он видел — он дарил их семье и друзьям, детям на дни рождения и по особым случаям.

После тех первых двух бурных месяцев, когда они, наконец, добились полного взаимопонимания, Яньли поняла, что они подходят друг другу. Даже когда она уехала в Ланьлин Цзинь, она не волновалась. Её брат нашел свою семью.

И теперь, более четырнадцати лет спустя, их дети стали новым поколением, готовым одарить этот мир своими яркими, смелыми личностями.

— Сестра, о чём ты сейчас вздыхаешь?

Яньли слегка вздрогнула от удивленного голоса брата.

— Я просто так счастлива, А-Чэн. После всего, что случилось так давно, посмотри на нас всех сейчас. — Она указала на рошу, где собралась их большая семья. — Наши дети играют и смеются вместе, А-Чэн. Все наши дети. Твои, мои и А-Сяня. Девочки совершенствуют свои навыки с каждым сезоном, и А-Хе хочет через пару лет пойти учеником в школу целительницы Цин. А-Фен всё ещё во всём разбирается, но ей всего шесть. И А-Тин будет очаровательной угрозой в мире совершенствования. — Яньли почувствовала, как слёзы наполняют её глаза, и не удосужилась их вытереть — это были слёзы счастья. — Все эти годы назад я и представить себе такого не могла.

А-Чэн придвинулся, чтобы обнять её, и из его груди вырвалось мягкое урчание, когда он усмехнулся.

— Сестра, мы заслужили этот мир, который сами и создали. Этот мир и радость. Мы боролись за него, мы чуть не умерли за него. То, что мы всё ещё можем быть здесь, слушая смех наших детей, является нашей наградой.

Яньли влажно рассмеялась.

— Сичэнь читает тебе слишком много стихов, А-Чэн, — сказала она ему, отстраняясь.

— В последнее время это стало его новым увлечением, — признался брат, ласково закатив глаза. — У него есть А-Цзин в качестве соратника, и они уже несколько недель устраивают засаду на А-Ли и меня с новыми стихами.

Яньли представила своего младшего брата, подвергающегося драматическому нападению со стороны одного из его сыновей, в то время как его озорной муж стоит на заднем плане в качестве поддержки, и рассмеялась.

А-Чэн заворчал на сестру и не позволил ей упасть на него, пока она глупо хихикала.

— Шицзе! Твоя младшая говорит, что у тебя есть печенье! — А-Сянь, такой же дикий и полный кипучей энергии, каким он всегда был, почти подпрыгнул к ней, его глаза лучились весельем.

Яньли фыркнула, но выпрямилась и потянулась к корзине, в которой она хранила печенье. Развязала узел — ни один из малышей ещё не придумал, как его распутать, так что узел служил эффективным сдерживающим фактором — и вытащила печенюшку. — Вот, А-Сянь. И нет, ты не можешь взять ещё одну. Нас ждёт сытный ужин, а я знаю, что ты объешься сладостями, если я тебе позволю. У меня есть немного фруктов, если ты не можешь ждать ужина.

А-Сянь драматично надулся — то же самое выражение, которое он всегда использовал, чтобы добиться своего.

— Но Лань Чжань тоже хочет одно, — запротестовал он.

— Если твой муж хочет печенья, А-Сянь, он вполне может прийти и попросить его сам. И он это знает. — Яньли вопросительно подняла бровь.

— Шицзе-е-э, — заскулил демонический заклинатель просто так, потому что они играли в одну и ту же игру уже много лет.

— И нет, А-Сянь, ты не можешь спрашивать его через Слияние. Я хочу услышать, как Ванци сам попросит печенье, — оборвала брата Яньли, прежде чем тот успел даже начать — у неё был большой опыт с различными способами мошенничества с печеньем, которые использовал её брат.

Итак, А-Сянь плюхнулся на землю с половиной печенья во рту и грустным выражением лица.

— Я умру с голоду! — заявил он.

Яньли фыркнула:

— У твоей дочери есть куда лучшие попытки выманить у меня печенье, А-Сянь.

— У А-Тин ум Лань Чжаня, шицзе, и это несправедливо.

— Твоей дочери шесть лет, братец Усянь, — прямо сказал А-Чэн, и А-Сянь перевёл свои широко раскрытые притворно-грустные глаза на брата:

— А-Чэн! Только не ты!

Цзян Чэн направил свой взор к небесам, прося милости у того или иного бога:

— Похоже ты не старше этих детей, братец Усянь.

— Удача рождения! — ответил дерзкий заклинатель и вредным голосом сообщил: — Лань Чжань придёт за печеньем, шицзе. И А-Юань.

— А-Лин тоже придёт? — спросила Яньли и отвернулась, чтобы закончить сортировку различных продуктов и припасов, которые она принесла с собой.

А-Сянь склонил голову к плечу и кивнул.

— А-Лин, А-Юань, Цзинъи и ещё пара человек из завтрашнего охотничьего отряда.

— Я до сих пор не понимаю, как вы двое можете постоянно быть в мыслях друг друга, — прокомментировал А-Чэн с лёгким содроганием.

— Это легко. Мы просто такие — нам нечего скрывать друг от друга, и я бы всё равно рассказал ему всё вслух. — А-Сянь пожал плечами и запрокинул голову, чтобы посмотреть на полог ярко-зеленых листьев. — Лань Чжань — моё сердце и душа, А-Чэн.

— Наивный дурак, — буркнул Цзян Чэн, но язвительность в этих словах исчезла ещё много лет назад.

Яньли подумала, что это и есть истинное счастье.

* * *

Насыщенные полосы оранжевого, красного и золотого окрашивали небо, широкие всплески

яркого тепла приглашали в свои объятия сумерки. Детский смех звучал со всех сторон, а весёлый треск костров говорил о скором начале ужина. В воздухе звучали шелест холстов и стук по дереву, когда всё больше и больше заклинателей начинали устанавливать палатки и складировать припасы для недельных праздников.

— А-Сянь, твоя дочь вот-вот расстроит многих членов Ордена Су, если ты не пойдёшь за ней. — Голос Цзян Яньли перекрыл шум.

Вздых насмешливой покорности послужил ей ответом. Вэй Усянь поднялся на ноги и, качая головой, неторопливо направился к палаткам Ордена Су. Его уход, за которым вскоре последовал визг возмущённого смеха, сообщил всем, что попытки маленькой девочки нанести вред сорваны.

— А-Тин, что ты пыталась сделать? — уточнил Вэй Усянь, пока тащил свою извивающуюся дочь обратно к их палаткам.

А-Тин громко фыркнула:

— Я не собиралась делать ничего плохого, папа. Просто хотела посмотреть на необычные стрелы, которые есть у Ордена Су. Я нашла книгу с классными картинками и прочим, и я узнала их имя по странным стрелам!

Вэй Усянь перевернул дочь на спину, и она завизжала от восторга. Он поднял А-Тин повыше (девочка наполовину перевернута, но продолжает хихикать и улыбаться) и недоверчиво заглянул ей в глаза:

— Ты решила проникнуть в палатку клана Су, чтобы посмотреть на их стрелы? — спросил он, почти не зная, следует ли ему отчаиваться или быть впечатлённым.

Краткий нерешительный взгляд ясно показал, что А-Тин пыталась сделать нечто большее, чем просто смотреть на заострённые куски металла.

— Конечно, папа!

— И это не имеет ничего общего с маленьким наследником клана Су, который не хочет с тобой играть? — поинтересовался Усянь и улыбнулся, когда А-Тин нахмурилась. — А-Тин, ты не можешь пробираться в чужие палатки и уговаривать детей поиграть с тобой.

— Ты же прокрадываешься в мою комнату, чтобы втянуть меня в приключения, папа, — указала она. — Даже когда отец говорит, что ты не должен.

Вэй Усянь радостно засмеялся:

— Я твой папа, А-Тин. И даже если твой отец скажет «нет», он уже знает, что мы идём. — Он жестом показал А-Тин, чтобы та наклонилась ближе, его глаза широко раскрылись в тайном озорстве.

А-Тин, всегда стремящаяся услышать секрет, чуть не врежется лицом в нос своего папы:

— Что? Что?!

— Твой отец — тот, кто подсказывает мне все хорошие места, куда можно сводить тебя в ночные приключения!

При этом шокирующем открытии А-Тин отшатывается, и глаза её папы почти танцуют в свете заходящего солнца и пылающих огней.

— Правда-правда?

— Твой отец вырос в Гусу, А-Тин, как и ты. Он знает все лучшие места! — Вэй Усянь покачал дочь, а потом посадил её себе на плечи, и она тут же устроилась поудобнее, радостно смеясь. — Держись, А-Тин!

— Папа!

Смеющаяся маленькая девочка вскоре попала в уже ожидающие объятия Лань Ванцзи, и тот серьёзно посмотрел на свою дочь:

— Лань Тин.

Девочка нахмурилась:

— Отец, я просто хотела завести нового друга! Я даже не знаю его имени, отец! Ему должно быть одиноко! — Если и было что-то, что А-Тин ненавидела больше всего на свете, так это одиночество.

Лань Ванцзи невозмутимо приподнял бровь:

— И ты решила проникнуть в палатку клана Су, чтобы всё исправить?

— Ну, кто-то же должен с ним дружить! — запротестовала А-Тин.

— И ты не подумала прийти ко мне, или к твоему папе, или к твоему дедушке? — указал Лань Ванцзи, и на его серьёзном лице мелькнула весёлая усмешка, когда А-Тин внезапно искоса

посмотрела в землю. — Лань Тин?

С тяжёлым вздохом девочка покачала головой:

— Нет, я не подумала. Мне очень жаль.

Лань Ванцзи кивнул.

— И мы пойдём извиниться перед кланом Су за то, что вторглись, Лань Тин, — сообщил он дочери, и её надутые губы выпятились сильнее, но она не спорит, когда Лань Ванцзи обнимает её своей большой ладонью за плечи и уводит с поляны, назад к палаткам, в которые она пробиралась.

Их родственники с весёлыми и впечатлёнными лицами смотрят на Вэй Усяня, на Лань Ванцзи и вздыхающую маленькую девочку рядом с ним.

— Это было хорошо сделано, — с одобрением проговорил Цзинь Цзысюань, на что Вэй Усянь пожал плечами.

— Я рассказал Лань Чжаню, что произошло, и мы разработали план. Кроме того, это был лишь вопрос времени. А-Тин пыталась подружиться с маленьким наследником клана Су с тех пор, как увидела его на последнем большом собрании Орден. — Он посмотрел на палатку, в которую только что вошли его муж и дочь. — Таким образом, это даёт нам такой же хороший способ, как и любой другой, попытаться очаровать его отца, чтобы он позволил своему сыну поиграть с ней.

— Папа, ты её балуешь, — добродушно пожаловался Сычжуй.

— Ты бы предпочел, чтобы твоя сестра попала в беду из-за того, что убедила наследника Ордена улизнуть в сумерках и пойти поиграть в лесу? — насмешливо поинтересовался у сына Вэй Усянь, забавляясь лёгкой паникой вспыхнувшей в его глазах.

Цзинь Цзысюань посуровел:

— Она бы действительно это сделала?

Вэй Усянь рассмеялся:

— Если бы ей удалось не попасться, это был бы второй раз — как-то она убедила младшую дочь главы Ордена Яо пойти поиграть с ней — после наступления темноты и после того, как все легли спать — когда мы приехали в прошлом году. Ей было грустно, потому что только старшие дети могли играть у реки, и никто не мог поиграть с маленькой А-Сю весь день.

Поэтому она пробралась в её комнату ночью и помогла ей выбраться из окна.

Волны фырканья и недоверчивого смеха наполнили воздух, пока Лань Сичэнь, наконец, не заговорит:

— Именно поэтому Орден Яо согласился прийти?

И тут глаза Вэй Усяня заблестели.

— А-Сю любит А-Тин, и, поскольку она их единственная дочь, Яо чуть не землю носом роют, когда она соизволит о чём-то попросить. А поскольку А-Тин будет здесь неделю, и я помог ей написать об этом А-Сю, они согласились приехать.

— Твоя дочь представляет угрозу, — произнёс Цзян Чэн, и в его словах сквозит озадаченное веселье. — Ей даже не придётся сражаться, чтобы полностью захватить мир совершенствования, они просто отдадут ей его, когда она станет достаточно взрослой.

— Сомневаюсь, что она вообще этого захочет, — заметил Вэй Усянь, не отрицая обвинения. — О, маленький мальчик из клана Су, А-Йон, завтра присоединится к малышам. И А-Тин пригласили навестить Орден Су, если мы соберёмся.

Цзян Чэн вопросительно приподнял бровь.

— Твоя дочь опасна, братец Усянь, — фыркнул он. — Ни у кого не должно быть такого уровня силы, тем более у шестилетнего ребёнка.

— А-Тин очаровательна, Чэн-Чэн! — запротестовал Вэй Усянь.

— В этом-то и проблема. Она очаровательна и умна. — Цзян Чэн снова фыркнул. — Что ты собираешься с ней делать, когда она станет старше?

Вэй Усянь пожал плечами:

— Это будет потом. Кроме того, у А-Тин будут свои идеи, как и у А-Юаня, когда тот был маленьким. И мы собираемся немного попутешествовать после соревнований молодых заклинателей — мы обещали взять с собой А-Тин в некоторые места из наших историй, если она получит свои первые звезды от учителя Лань, и две недели назад она вошла в дом со своими первыми звёздами.

— Подожди, что? Ты снова уходишь? — запротестовал Цзян Чэн. — Разве у вас двоих нет обязанностей в Гусу?

— Великий учитель Лань снова готов нас выгнать, — сказал Усянь, глядя на палатку, где укрылся Лань Цижэнь. — Сначала он не хотел, чтобы мы брали с собой А-Тин, но она ещё слишком молода, чтобы её оставлять, и, кроме того, для неё это такое же путешествие... — Он протянул руку и обнял Сычжуня за плечи. — Как то, в которое мы взяли А-Юаня, когда ему исполнилось девять.

Сычжунь закатил глаза, расслабляясь в его объятиях.

— Дедушка и ты сильно поссорились, папа, — поправляет он. — Итак, вы с отцом решили, что будет лучше потратить некоторое время на путешествие и позволить дедушке Жэню немного остыть? И тебе также пришлось извиниться, — продолжает он с очень знакомой ухмылкой.

Вэй Усянь игриво дёргает его за ухо.

— Тише, ты. Перестань позорить своего папу на публике.

— Папа, ты не умеешь смущаться. У тебя к этому иммунитет, — прямо заявил Сычжунь.

Цзян Чэн удивленно смеётся.

— Вот уж действительно правдивые слова, — хихикает он.

— Значит, вы с Ванцзи какое-то время будете путешествовать? — Лань Сичэнь возвращает разговор к основной теме.

— Да. А-Юань не может отправиться с нами сразу — у него ещё есть дела, которые он должен закончить в Гусу, но он присоединится к нам, когда сможет. И А-Тин тоже рада будет увидеть дома всех своих друзей — её пригласили посетить резиденции почти каждого крупного Ордена. — Вэй Усянь покачал головой, чуть смеясь над абсурдом ситуации.

— Обязательно загляните к нам, А-Сянь, — напомнила ему Цзян Яньли и властно приподняла бровь, когда её муж попытался вмешаться: — Тебе есть что сказать, дорогой?

Цзинь Цзысюань вздыхает, опустив плечи:

— Нет, Яньли, наверное, нет.

Вэй Усянь хихикает:

— Мы уже не такие плохие, зятёк.

Взгляд, которым Цзинь Цзысюань одаривает его, красноречиво говорил о том, насколько сильно он в это верит.

* * *

Затем тихая атмосфера нарушается, когда Лань Тин мчится через поляну прямо к Вэй Усяню, который уже предупреждён и расположился так, чтобы она могла подпрыгнуть и кинуться в его объятия, зная, что её поймают.

— Итак, А-Тин, я слышал, у тебя появился новый друг.

Блестящие голубые глаза девочки — мерцающие океаны лазурных оттенков — наполняются восторгом.

— Ага! А-Йон завтра придёт играть со всеми нами, и А-Сю тоже придёт завтра, папа! А-Мей и А-Чен тоже!

— Ты таскала своего отца по палаткам всех своих друзей, чтобы поговорить с ними, А-Тин? — спрашивает Вэй Усянь, притворное неодобрение не может скрыть его веселья — А-Тин с лёгкостью убедил Лань Ванцзи позволить ей проведать своих друзей, прежде чем вернуться.

— Ну-у, папа! Я всего три раза просила и всё, честно! И отец даже не выглядел расстроенным, когда согласился! — Д

<http://bllate.org/book/13203/1177385>